

Борис Бим-Бад

Будущее как категория агогики

Разрабатывая категориальный аппарат современной педагогики, нельзя обойти вниманием проблемы времени в силу его значимости для человека и его воспитания. Эта категория занимает свое почетное место в ряду основополагающих понятий педагогики наравне с такими существенными обобщенными признаками воспитания, как норма, внимание, амбивалентность и апперцепция.

Время бытия осознается только человеком. Вырастающая, развиваясь, старея, человек, конечно, понимает, что он подвластен времени как атрибуту субстанции. И он вынужден столкнуться с универсальными свойствами времени – его длительностью, неповторяемостью, необратимостью. Но в данном случае мы не рассматриваем ни астрономического, ни физического, ни биологического времени.

В переживаемом психологическом времени человека есть прошлое, настоящее и будущее, чего никак нельзя утверждать относительно вечности (естественной или сверхъестественной). До нашего рождения и после смерти есть бесконечность, а времени нет. Время для человека возникает постепенно, не сразу, после рождения, в ходе нормального развития. «Есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего... Настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – непосредственное созерцание; настоящее будущего – ожидание». (Блаженный Августин). И прошлое, и будущее, и скрепляющее их настоящее – непосредственные факты сознания, постигаемые внутренним опытом (Анри Бергсон).

Нас интересует в данном случае по преимуществу психологическое будущее, а настоящее и прошлое входят в зону рассмотрения, поскольку психологически будущее находится в темпоральном континууме. Континуальность времени снимает оппозицию прошлого – будущего, но понимание этого не мешает условному разграничению трех модусов временного континуума. Будущее фиксируется в сознании как то, что следует за «теперь», «сейчас». Кроме того, здесь мы берем во внимание проживаемое человеком будущее в его отношении к воспитанию и проектированию воспитания.

Сначала рассмотрим место и роль грядущего, дальнейшего, следующего, надвигающегося, предстоящего, обещающего, чаемого в жизни изменяющегося со временем человека.

Будущее в жизни человека. Будущее есть главное в заботе. «Что день грядущий мне готовит?» Что ждет нас?

Что из этого выйдет, какие последствия будут иметь?

Будущее ценно для человека и как актуальное будущее-для-нас, и как неизбежное будущее-без-нас. В обоих случаях человек желал бы заглянуть за завесу времени.

Всякое желание есть желание будущего. Любая программа рассчитана на время ее реализации. Будущее предвидится, предстоит, грозит, ожидается... Время жизни, продолжительность обучения, срок тюремного заключения – все имеет вектор предстоящего.

Самое могущество человека, взятое в общем виде, есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего очевидного блага. (Томас Гоббс).

Очень много совершается человеком ради загробного, будущего мира. Вера обращена к настоящему ради награды/наказания в жизни после смерти. Так, благодать – дар Божий, дар будущий, но обретаемый верой теперь. Человек есть свое будущее. Это особенно ясно продемонстрировали Хосе Ортега-и-Гассет и Мартин Хайдеггер. Ортега показал, что наша жизнь, помимо нашего желания, всегда связана с будущим; от настоящего момента мы всегда устремлены к грядущему. «Жить» – это «делать», без отдыха и срока. «Делать» всегда значит «осуществлять будущее». Даже когда мы отдаемся воспоминаниям, мы вызываем их в данный момент, чтобы в следующий достигнуть чего-то, хотя бы удовольствия. Это простое, неприятное удовольствие показалось нам секунду назад желаемым будущим; вот мы и «делаем» что-то, чтобы его получить. Человек живет в будущем и для будущего.

Человек – существо двойственное: с одной стороны, он то, что он есть; с другой – он имеет о себе самом представления, которые лишь более или менее совпадают с его истинной сущностью. Наши мысли, оценки, желания не могут уничтожить наших прирожденных свойств, но могут изменить их и усложнить. Античные люди подчиняли будущее заповедям прошлого, тогда как мы отводим будущему первое место.

Защищая наше государство, мы защищаем наше завтра, а не наше вчера. Народ погибает, если исчезает его вера в будущее. (Ортега-и-Гассет).

Именно будущее отличает человеческое бытие от всякого наличного, вещественного бытия: взятое как забегание вперед, человеческое бытие есть всегда своя возможность, – подчеркивает и Хайдеггер. Этот момент заботы Хайдеггер обозначил как проект. Человеческое бытие – это бытие, проектирующее само себя. Модус будущего – проект, постоянно на нас воздействующий. Человек – всегда нечто большее, чем он есть в данный момент.

«Первичный феномен исходной и собственной временности есть будущее». В будущем, в забегании вперед человеческое существование узнает себя, обнаруживает себя. Будущее есть нечто наступающее, настоящее. Именно в забегании вперед, в своей возможности бытие вместе с тем возвращается к собственному прошлому и к собственному настоящему.

Действительно, поздравляют с прожитым, а желают хорошего в будущем.

Экзистенциальный поток времени идет не от прошлого к будущему, но совершенно в обратном направлении: время «временится» из будущего. (Хайдеггер).

Движение мысли от будущего к прошлому и затем к настоящему Жак Деррида назвал «деконструкцией»: «Деконструкция есть движение опыта, открытого к абсолютному будущему грядущего, опыта, по необходимости неопределенного, абстрактного, опустошенного, опыта, который явлен в ожидании другого и отдан ожиданию другого и события».

Деконструкция прокладывает путь, движется вперед и отмечает вехи. Она производит новые правила и условности ради будущих достижений, не довольствуясь теоретической уверенностью в простой оппозиции результат – констатация. Ход деконструкции ведет к утверждению грядущего события, рождению изобретения, изобретения будущего. Деконструкция выступает одновременно и научением открытости будущего – «неистребимым движением исторического открытия будущего, следовательно, опыта самого по себе и его языка» (Жак Деррида).

Движение времени от будущего к прошлому и настоящему осуществляется через постановку цели и реализуется с помощью воли. Желающий, целеполагающий и волящий человек превращает импульс потребности в импульс к действию. Ядром волевого акта выступает осознание ценностного содержания и личной значимости цели. Цель деятельности есть результат рефлексии над потребностью и прогностическим образом будущего продукта деятельности. По формулировке Уильяма Джеймса, воплощением волевого акта является созидательное усилие «*fiat!*» – «да будет!».

Воображение, фантазия. Жизнь фантазии ребенка то более, то менее ясно, но всегда переносится в будущее. Даже совершенно вымышленный и невозмож-

ный факт является в качестве ожидаемого и имеющего наступить в будущем. Даже фантазируя о прошлом (как, например, при возбуждении воображения историческими рассказами), ребенок обращает прошлое в перспективу, в будущее.

В этой форме свободное фантазирование из области детской жизни распространяется и на остальную жизнь человека, в более правильном и потому легче поддающемся наблюдению виде; здесь оно становится источником всякой практической деятельности. Планы, проекты, предположения – все это модификации упомянутой деятельности фантазии, в которой берут свое начало и произведения искусств. (Вильгельм Вундт).

Память. Самосознание существует благодаря памяти, которая соединяет прошлое с настоящим и позволяет предвидеть будущее. Память «превращает в настоящее» опыт прошлого и надежду на будущее. Ее постоянное присутствие, которое подтверждается даже забывчивостью, – необходимое условие любого человеческого действия. (Блаженный Августин). Все наши «завтра» переходят в категорию «сегодня» и до скончания нашего века перебираются в «вчера». Это непрерывный пожизненный процесс. Амнезия делает невозможным для человека его самостоятельное завтра.

Наконец, само мышление есть работа для будущего. «Поставить пределы умозрению означает предать будущее». (Альфред Норт Уайтхед).

Свойства будущего как модуса человеческого бытия. Возможное будущее требует его предвосхищения. И будущее вполне предсказуемо в известном диапазоне и при соблюдении условий адекватного предвидения.

Вероятность будущего исключает жесткий детерминизм в прогнозировании чего бы то ни было. Будущее есть неопределенность, с которой можно работать и даже справляться. Мы можем контролировать свое будущее с той или иной степенью вероятности.

Предполагая открытость будущему, возможность приобретает смысл, когда она выступает не как нечто неизбежное, а как метод поиска, который позволяет постичь мир в опыте и уберечь человека от разочарования. При этом приходится принимать во внимание амбивалентность мира и человека. Всего даже один только хюбрис (необузданность, невоздержанность, бесчинство, буйство), задающий принципиальную невозможность своего подчинения навязанной извне детерминации, делает адекватным исключительно только вероятностный прогноз поведения человека и группы. Но и вероятностный прогноз есть ценный ориентир для подготовки действия, ибо степень вероятности прогнозируемых событий диктует различные праксиологические модусы.

Составная часть опыта, приобретаемого и накапливаемого человеком, – «поведение» будущего, которое то

сбывается в соответствии с ожидаемым, предвидимым, то не сбывается. В этом последнем случае оно становится неожиданным. Знание о «поведении» будущего входят в апперцептивные массы человека, определяя собой содержание его восприятий, реакций и ответных действий. Так, знание об уже состоявшейся смерти человека, запечатленного на фотографии, примешивает горечь к восприятию. «Глядя на фото моей мамы в детстве, я говорю себе: «Ей предстоит умереть, – и дрожу в преддверии катастрофы, которая уже имела место. Подобной катастрофой можно назвать любое фото, является ли смерть его сюжетом или нет». (Ролан Барт).

Только понимая прошлое как сбывшееся, осуществленное будущее, культура способна творить, «изготавливать» предстоящее будущее. От предвидения человек переходит к посильному обезвреживанию опасностей. Известно, что умный человек найдет выход из трудного положения, а мудрый не попадет в него.

Будущее как принцип проектирования воспитания. Рождение желанного ребенка есть послание в будущее. И будущее – важнейшая забота воспитания. Слишком многое в настоящем зависит от будущего.

Хорошее будущее ждет наших детей или дурное? Ведь надобно знать! В каком мире останутся жить после нас дети и внуки? «Под натиском будущего начинаются или не начинаются войны, гибнут или процветают племена и страны, создаются или не создаются новые социальные институты». (Олвин Тоффлер)

Чем надобно снабдить человека на дорогу – перед началом самостоятельного действия? Чтобы не загубить таланты, помочь им окрепнуть? Чтобы они грудью встретили будущее и – главное – чтобы они могли его сами выращивать, создавать.

Проектируя воспитание, выстраивая его программу, обосновывая его идеалы, намечая его стратегию и проясняя тактику, педагогика не может не самоопределиваться в вопросе о степени своей обращенности к будущему: к ближайшему, которое несет в себе основные пороки настоящего, или – к более отдаленному, желательному, идеальному будущему. Философии педагогики известны три основных типа ответа на эти вопросы.

1. «Основной принцип, из которого должны исходить те, кто составляют планы воспитания, такой: дети воспитываются сообразно не с настоящим, а с возможно более совершенным будущим состоянием рода человеческого, т.е. в соответствии с идеей человечества и его назначения как целого. Значение этого принципа чрезвычайно велико. Родители обычно воспитывают своих детей таким образом, чтобы они могли приспособиться к современным им жизненным условиям, какими бы плохими они ни были. А им следовало бы давать детям воспитание лучшее, чем современное, чтобы стал возможным и лучший мир...

Как значительны и важны вытекающие из этой цели следствия! Все доброе, что есть на свете, берет свое

начало в хорошем воспитании. Необходимо, однако, чтобы ростки добра в человеке все более и более развивались, ибо в естественных склонностях человека мы не обнаруживаем злых начал». (Иммануил Кант). В этом предложении Канта речь идет о преднамеренно и обдуманно создаваемом будущем. Надобно не приспосабливать детей к ближайшему обозримому будущему требует Кант, а формировать их как членов идеального правового общества всеобщей справедливости, общества умопостигаемого. Это требование Канта имеет в высшей степени радикальный смысл: Кант ставит им перед человечеством дихотомическую альтернативу – или установить такое общество, т. е. реализовать идеал, или отказаться от прогресса, т. е. погибнуть, и третьего не дано.

Нечего надеяться на самопроизвольные мудрость и величие будущих поколений. Они не рождаются автоматически из настоящего. Будущее можно только творить, творить сегодня.

Педагогика имеет право на существование как один из видов теории и практики изготовления будущего. Будущее есть по преимуществу педагогическая проблема. Идея воспитания для созидания будущего заставляет видеть в ребенке залог новых судеб человечества, она говорит одновременно о том, что есть только один способ созидать, творить будущее, – это созидать и творить настоящее и только один способ воспитывать детей – это воспитывать самих себя.

Проблема эта широко дискутировалась в педагогике. Уже в знаменитом капитальном издании Иоахима-Генриха Кампе и других филантропинистов «Всеобщий пересмотр школьного и воспитательного дела обществом педагогов-практиков» (1785–1792) содержалась большая работа П. Виллауме «Нужно ли при воспитании приносить в жертву приспособленности человека к жизни его совершенство, а если нужно, то в какой степени?». Филантропинисты эту проблему теснейшим образом связывали с проблемой прогресса, воспитание – со счастливым будущим человечества, вторя Канту: «Быть может, по мере постепенного улучшения воспитания каждое новое поколение будет делать шаг вперед по пути к совершенству человечества, ибо в воспитании заключена великая тайна усовершенствования человеческой природы. Осознание того, что, благодаря воспитанию, человеческая природа будет прогрессировать и что ей можно придать такую форму, которая соответствовала бы идеалу, воодушевляет и открывает перед нами перспективу более счастливого будущего человечества».

Воспитание правильно расценивалось и Фихте, вслед за Кантом, как «цепная реакция», как «расходящиеся круги» влияния не только на настоящее, но и на будущее.

2. Чрезвычайно последовательным оказался в истории педагогики поворот мысли И. Г. Песталоцци в решении данного вопроса. Сочетать сегодня с будущим! Принесение настоящего в жертву будущему (сколь угодно прекрасному) чревато самыми разрушительными последствиями.

Несколько глубоко продуманных страниц посвятил этому вопросу Мари Жан Гюйо, который, в частности, писал: «воспитание – для грядущего. Оно целиком зависит от нашего знания будущего. Только сделавшись отцом, но отцом в полном смысле этого слова, т. е. вполне сознательно относясь к воспитанию своих детей, человек начинает жить полной «жизнью сердца».

О, топот детских ножек! в тебе слышен легкий и сладостный шум грядущих поколений, неопределенный и смутный, как само будущее, вершителями которого, быть может, мы явимся, если сумеем воспитать их. Флобер сказал, что жизнь должна быть непрерывным воспитанием, что всему нужно учиться: «как говорить, так и умирать». Предоставленное случаю, воспитание ежеминутно уклоняется на своем долгом пути. Сами родители очень часто не имеют ясного представления о цели воспитания, в особенности, когда дети их еще очень малы.

К какому нравственному идеалу обращают душу ребенка в большей части семей?.. Многие воспитывают своих детей не для самих детей, а для себя. Я знавал родителей, которые не хотели выдавать своих дочерей замуж, чтобы не разлучаться с ними, или не позволяли своим сыновьям готовиться к какой-либо профессии (например, быть ветеринаром), если она не нравилась им – родителям. Удовольствие родителей – вот что в таких семьях преследуется воспитанием детей...

Подлинно благотворное воспитание бескорыстно: ребенка следует воспитывать для него самого, для родины, для всего человечества».

3. Януш Корчак ясно показал, что детям показано полно проживать свое детство: быть счастливыми здесь и сейчас. Тем самым они готовятся встретить новизну грядущего.

Цели воспитания предстают как предвидение желательного будущего, притом – заведомо разного для воспитателя и воспитанника. Любое должное в педагогике, как, впрочем, и вообще, соотносится с целями воспитания, предполагает обоснование моделей достойной жизни. Тем самым педагогика наделяется новой мерой ответственности за достоинство будущего.

В качестве науки о должном педагогика есть одна из главных наук о будущем, наук о возможностях мира (наряду с этикой и математикой).

То, что мир нестабилен, не означает, по формулировке Ильи Пригожина, «что он не поддается научному изучению». Детерминистское предсказание в современной науке с ее презумпцией нелинейности развития и отказом от принудительной каузальности сменяется «проблемным описанием» (Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов). Педагогика обладает способностью предвидеть результаты будущих изменений на основе теории вероятностей.

Прогноз как предсказание хода развития на основании наблюдаемых симптомов предполагает выявление этих симптомов, т. е. семиотики и диагностики, гигиенической стратегии и терапевтической тактики.

Будущее как содержание воспитания и обучения. На

будущем замешаны содержание и организация воспитания, профилактика опасных тенденций в развитии личности, а также их исправление (терапия, перевоспитание). Диагноз не самоцелен – он необходим для терапевтического проекта – и, как правило, для благоприятного прогноза.

Будущему необходимо учиться. Становление идеи будущего у ребенка происходит далеко не сразу и оно зависит от активности воспитанника.: «Когда дитя голодно, оно плачет и протягивает руки к своей кормилице: вот зародыш идеи будущего. Всякая потребность предполагает возможность ее удовлетворения; совокупность таких возможностей мы обозначаем термином «будущее». Время закрыло бы доступ к себе существу, которое ничего не желало бы, ни к чему не стремилось бы... Будущее есть не то, что идет к нам, но то, к чему мы идем» (Гюйо).

Психологический источник понятия времени находится поэтому в осознаваемом зазоре между желанием и удовлетворением. Чувство цели и связанное с ним усилие представляют источник идей причины и действия, действия и последствий.

Умственные способности человека актуализируются и совершенствуются по мере того, как растет его способность адаптации к будущим событиям и аккомодации окружения к себе. Элементарный интерес к будущему сменяется у мыслящего человека возрастающей тенденцией смотреть вперед. (Джеральд Дж. Уитроу).

Если будущее имеет постижимый вектор, то наряду с радостью бытия нам надобно воспитывать и для долгосрочных важных дел. Каких? – Конструктивных, животворных, помогающих выстоять в исканиях своего пути и стать полезными.

Для проживания нами своей жизни важно также то или иное эмоционально окрашенное отношение к осознаваемой нами конечности нашего земного пути.

Справляться с ситуациями неопределенности, которые вызывают повышение тревоги, надобно учиться специально, чтобы воспитанники с помощью мышления могли преодолевать страх будущего, его неизвестной природы.

Обучение предвидению становится одним из самых важных компонентов в содержании воспитания. Важно учить открытости к будущему, открытости к когнитивному диссонансу. Ибо знание, основанное на опыте, не исключает приобретения в будущем нового опыта, не согласовывающегося со старым.

Чтобы научить людей самостоянию, планированию жизни и деятельности без фанатизма и без фатализма, полезно совместное планирование предстоящей работы воспитателя/учителя с детьми с учетом вероятностной природы будущего. Постепенно помощь опытного руководителя в составлении и осуществлении планов уменьшается и, наконец, сводится к поощрению самостоятельного распределения событий в обозримом будущем.